

ФОРМА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОТНЕСЕННОЙ РЕЧИ В ТЕКСТЕ

Проблема текста, соотношения в нем позиций автора и персонажей, проявление тех или иных точек зрения являются одними из актуальных в исследованиях современных лингвистов. Несмотря на значительное количество работ, связанных с данной проблематикой, многие вопросы ждут своего разрешения. Исследования того или иного конкретного грамматического материала в тексте малочисленны. Как отмечает Е.А. Реферовская, «несомненно интересен вопрос употребления в связанном тексте глагольных форм времени и наклонения, соотношения грамматического времени повествования и времени автора... и многое другое» [4, с. 11]. Особый интерес в этой связи представляет форма настоящего времени изъявительного наклонения (*présent de l'Indicatif*). Отличительной чертой данной формы является ее способность «легко и свободно транспонироваться в рассказе о прошлых событиях» [3, с. 32]. При этом она «получает комплекс значений/употреблений, не свойственных отдельному высказыванию» [5, с. 118].

Новый подход к интерпретации значения и использования грамматических форм в тексте/рассказе связан с дальнейшей разработкой идей М.М. Бахтина и его теории диалогичности и полифонии как основных параметров художественного текста. В связи с этим «текст анализируется в терминах стратегий и тактик говорящих и слушающих, которые участвуют в создании и интерпретации данного текста» [2, с. 90].

М.М. Бахтин выделяет два типа текстов: монологический и полифонический. Текст/рассказ монологического типа отличается созданием монологического мира, «в котором героям его уже нечего больше сказать; они все сказали, и последнее окончательное слово за них и за себя говорит автор, опираясь на свою вневременность и свой решающий избыток» [1, с. 367]. В тексте такого типа представлен один говорящий автор/рассказчик. Несмотря на абстрактность, отстраненность, автор в своих высказываниях не одинок. Ведь говорит он не «для себя», а адресует свой монолог предполагаемому «молчаливому» слушателю/читателю с целью показать, описать, объяснить что-либо. К текстам монологического типа целесообразно отнести:

1. Описательные тексты: очерки, портреты, типологические тексты. Это произведения, «в которых описывается преимущественно статическое состояние, рисуется картина, дается портрет... изображается социальная среда или классифицируется естественное или социальное явление по типам, классам и т.п.» [6, с. 19].

В этом случае автор/рассказчик описывает находящиеся у него «перед глазами» явления, предметы и выступает в роли говорящего наблюдателя [5, с. 166]. Он преследует цель: показать адресату изображаемое. Грамматическим средством, которое использует автор, является форма настоящего времени со значением «изобразительного» или «дескриптивного» настоящего.

II. Нехудожественные – научные, дидактические, критические – тексты.

Как отмечает М. -Ж. Бессон, главная цель таких текстов заключается в передаче адресату – слушателю, читателю – преимущественно новых знаний [7, с. 44]. Среди таких текстов лингвист выделяет информативные, экспликативные, аргументативные тексты, а также тексты предписаний, инструкций и т.д. Целевые установки автора/говорящего меняются в зависимости от вида текста. В первом случае – информативные тексты – его целью является простая передача знаний; во втором – стремление, чтобы адресат понял объясняемое; в третьем – изменить знания адресата; в четвертом – заставить адресат действовать определенным образом в определенных обстоятельствах для достижения необходимого результата. Во всех данных текстах доминирующей глагольной формой является форма настоящего времени [7, с. 55]. Автор/рассказчик является здесь говорящим знающим [5, с. 110].

III. Тексты ремарок драматических пьес.

В этом случае автор выполняет роль комментатора при экспликации действий персонажей, используя форму настоящего времени.

Передача информации, знаний, описание, комментирование составляют внешнюю речь говорящего. Как отмечает В. Шмид, внешняя речь передается в шаблоне прямой речи [6, с. 210]. Однако во всех перечисленных текстах имеет место особый тип прямой речи, которую Л. Долежел именует «необозначенная прямая речь» [цит. по 6, с. 211]. «Здесь отсутствует какое бы то ни было графическое выделение речи персонажа из повествовательного контекста» [там же].

Промежуточное положение между текстами монологического и полифонического типов, на наш взгляд, занимают драматические произведения. В драматических пьесах имеет место эксплицитно выраженный диалог персонажей, оформленный графически в прямую речь. Основным временем такой прямой речи является настоящее, получившее название «сценического» (*présent scénique*). Необходимо отметить, что диалог/полилог персонажей драматической пьесы не является свободным многоголосием, а заданным, «запрограммированным» заранее автором, впрочем, как и сами персонажи.

В тексте полифонического типа предоставлены равные возможности всем участникам описываемых событий для высказывания своих мыслей, переживаний, различных точек зрения и т.д. В нем «каждый герой становится голосом-позицией... Раскрывается многосистемный мир, где не одна, а несколько точек отсчета» [1, с. 367]. Однако далеко не каждый текст является полифоническим. Представляется, что к таковым относятся «повествовательные нарративные тексты, излагающие историю посредством нарратора: роман, рассказ, повесть и т.д.» [6, с. 34]. С одной стороны, в отличие от статичных описательных текстов, повествовательные динамичны, событийны. Это «произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [6, с. 13]. С другой, противопоставляясь непосредственному драматическому исполнению, повествовательные тексты отличаются наличием голоса опосредующей инстанции, называемой «повествователем» / «рассказчиком» / «нарратором» [там же]. Наряду с голосом рассказчика в тексте полифонического типа на равных «звучат» и голоса персонажей.

В тексте Э. Бенвенист противопоставляет объективную историю/рассказ субъективному дискурсу персонажей. Л. Долежел выделяет в тексте «план

рассказчика» и «план персонажа» и исходит из жесткого противопоставления «объективного» текста нарратора и «субъективного» текста персонажа. Одним из важнейших признаков, по которым различаются объективный и субъективный планы повествовательного текста, является временное значение глагола. Вслед за Э. Бенвенистом Л. Долежел, Ж. Женетт, В. Шмидт и др. плану рассказа предписывают употребление прошедшего времени глагола, а плану персонажа – настоящего. В тексте полифонического типа наблюдается явление интерференции этих двух планов. В. Шмидт дает следующее определение: «Текстовая интерференция – это гибридное явление, в котором ...совмещаются две функции – передача текста персонажа и собственно повествование» [6, с. 199]. Можно добавить: «Мы называем гибридной конструкцией такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка» [М.М. Бахтин, цит. по 6, с. 199].

Самыми распространенными формами текстовой интерференции являются несобственно-прямая речь и косвенная речь. Наибольший интерес с точки зрения проявления голоса говорящего представляет собой несобственно-прямая речь (НПР). В. Шмидт отмечает, что «...явление одновременного участия двух текстов в одном высказывании, которое лежит в основе НПР, приводит неизбежно к двуголосости, или двутекстности» [6, с. 237]. Сравните также: «НПР – это отрывок повествовательного текста, передающий слова, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста персонажа не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводными словами (или их эквивалентами)» [там же, с. 224]. Вследствие этого НПР отличается неявностью, «завуалированностью» содержащихся в ней голосов. Одним из средств, позволяющих выявить голос говорящего в НПР, является форма настоящего времени. По В. Шмиду, НПР с формой настоящего времени оказывается наиболее однозначно маркированной в качестве передачи чужой речи [там же, с. 226]. Появление в НПР на фоне прошедшего времени рассказа форм настоящего времени, дейктиков нинегоцентрической серии свидетельствует о смещении дейктического центра временного среза. Во французском языке с его строгими правилами согласования времен подобное явление может расцениваться как «нарушение», отход от правил. Однако именно такое «неправильное» употребление формы настоящего времени указывает на присутствие говорящего, его позицию и точку зрения.

Итак, форма настоящего времени является одним из признаков интерференции речи персонажа в тексте, основными разновидностями которой являются прямая речь, необозначенная прямая, косвенная, несобственно-прямая речь. Задача читателя состоит в том, чтобы услышать и понять, кто говорит в данном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 тт.: Т. 5. – М.: Русские словари, 1996. – 730 с.
2. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог: Монография / Рец. В.В. Макаров, А.Е. Михневич. – Мн.: МГЛУ, 2003. – 251 с.
3. Прокопович Е.Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
4. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л., 1983. – 218 с.

5. **Степанова А.Н.** Говорящий субъект: его временное пространство, статус и функции (размышления и цитации). – Мн.: МГЛУ, 2003. – 186 с.
6. **Шмид В.** Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. **Besson M.-J.** Les valeurs du présent dans le discours expositif // *Langue française. Temps et aspect. Etudes de psychologie du langage.* № 97, 1993, p. 44-59.

SUMMARY

The article is devoted to such essential problems of linguistics as textual polyphony and linguistic means of its presentation, in particular the present tense form of the verb (indicative mood).